

Познакомьтесь с краткой справкой о жизни и творчестве Лу Синя, прочитайте его рассказ «Бумажный змей» и ответьте на вопросы.

Лу Синь (1881 — 1936) - один из основоположников современной китайской литературы. Он был мастером короткого рассказа.

Лу Синь родился в провинции Чжэцзян, в интеллигентной семье. Рано потерял родителей. Отец Лу Синя скончался от туберкулеза – традиционная китайская медицина в борьбе с болезнью оказалась бессильна, поэтому с детства мальчик мечтал заняться **изучением европейской медицины.**

Сначала будущий писатель получил **многостороннее образование в Китае:** учился в военно-морской академии, в Школе горного дела и железных дорог. Здесь он впервые познакомился с западным образованием и наукой; изучал немецкий и английский языки. В 1904 г. Лу Синь стал **первым иностранным студентом японской медицинской академии.** Однако в 1906 г. Лу Синь неожиданно **прекратил свою учёбу.**

В предисловии **сборника «К оружию»** он рассказывает, почему покинул академию. Однажды после уроков один из японских преподавателей показал слайды с **казнью предполагаемых китайских шпионов** во время русско-японской войны 1904-1905 годов. Потрясение вызвала не только произошедшая трагедия, но и реакция студентов, которые восприняли казнь как развлекательное зрелище. В отсутствие сострадания он увидел проявление тяжелейшего нравственного недуга. Тогда он решил, что лечить болезни души его соотечественников намного важнее, чем болезни телесные.

Публикация произведений «**Дневник сумасшедшего**» и «**Правдивая история А-Кея**» сразу же поставила Лу Синя в ряд самых влиятельных деятелей культуры того времени. Резкое **обличение общественных пороков** в его рассказах сочетается с глубоким **сочувствием к «униженным и оскорбленным».**

Писателю близок гуманистический пафос русской литературы. С 1927 г. он активно занимается её переводом.

Незадолго до смерти Лу Синь получил **предложение от представителей Нобелевского комитета подать заявку на получение премии,** однако смертельно больной писатель на тот момент уже мало интересовался международными наградами и **отказался от этого предложения.**

Личным отличительным знаком писателя стали **небольшие произведения,** в которых находит отражение широкий спектр **социально-нравственных и философских проблем.**

В 1927 г. вышел в свет сборник **лирических миниатюр «Дикие травы»**, в который включен **рассказ «Бумажный змей»**.

Многие произведения Лу Синя тяготеют к жанру **притчи** и имеют **вневременный общечеловеческий смысл**.

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

В Пекине зима, на земле еще плотным слоем лежит снег, черные ветви голых деревьев вырисовываются на чистом небе, и я с удивлением и печалью гляжу на бумажных змеев, плывущих вдали.

У меня на родине время бумажных змеев — второй месяц весны. Услышишь шум ветряного колеса, поднимешь голову — и видишь, как летит темно-серый краб или стоножка нежно-голубого цвета. А то еще бывает бесшумный змей-черепица. На нем нет ветряных колес, его пускают очень низко, и он кажется жалким и отверженным в своем одиночестве. На земле в это время уже появляются побеги на иве, ранний горный персик раскрывает цветы, и вместе с небом, украшенным бумажными змеями, приносят они ласку весеннего дня. Где же я теперь? Вокруг меня жестокий холод суровой зимы, и в этом воздухе проносится безвозвратно ушедшая весна моей родины, с которой я давным-давно расстался.

Но я никогда не любил пускать бумажных змеев; больше того, я ненавидел это занятие: я считал его забавой дурных детей. Не так смотрел на это мой младший брат. Ему было тогда лет десять, и змеи были страстью этого болезненного, худенького мальчика. У него не было денег на покупку змея, да я и не позволял ему пускать их, и он иногда часами простаивал, в восторге раскрыв рот и самозабвенно следя за небом. Вот неожиданно опустился паривший в высоте краб, и брат в испуге вскрикивает; разъединились две спутавшиеся в воздухе нитками черепицы, и он радостно прыгает. Мне все это казалось смешным и нелепым.

Как-то я заметил, что вот уже несколько дней брат где-то прячется; в последний раз я видел его в саду, где он подбирал сухие стебли бамбука. Мне словно подсказало что-то, и я побежал в маленькую, заваленную старыми вещами комнатку, в которой почти никто не бывал, толкнул дверь и, конечно, среди пыльной рухляди увидел брата. Он сидел на табурете перед большой скамьей и, когда я вошел, испуганно вскочил, побледнел и весь как-то сжался. К скамье был прислонен бамбуковый остов бабочки. Бумага еще не была наклеена, на скамье лежали два ветряных колеса, которые должны были изображать глаза. Он украшал их полосками красной бумаги, и они были почти готовы. Упоенный раскрытием тайны и возмущенный тем, что он, скрываясь от меня, украдкой отдавался этой забаве дурных детей, я протянул руку, схватил крыло бабочки, сломал его, сбросил на пол и растоптал ветряные колеса. Я был старше и сильнее его, и он не мог помешать мне. Я, конечно, одержал полную победу и гордо удалился,

оставив его стоящим в отчаянии посреди комнаты. Меня вовсе не интересовало, что станет он делать дальше.

Но час возмездия наступил. Это произошло через много лет после того, как мы расстались. Я был уже немолодым человеком. На мое несчастье, мне в руки попала иностранная книга о детях, и я узнал из нее, что в играх и заключается детство, что игрушки — это ангелы-хранители детства. И тогда перед моими глазами вдруг встала эта забытая за двадцать прошедших лет картина совершенного мною в детские годы насилия над человеческой душой, и мне показалось, что сердце мое превратилось в кусочек свинца и, тяжелое-тяжелое, стало падать вниз.

Оно не оборвалось, оно только становилось все тяжелее и тяжелее и все продолжало падать и падать.

Я знал, как загладить свою вину: подарить брату змея, позволить ему пускать его, просить его об этом, пускать его вместе с ним. Мы бы кричали, бегали, смеялись... Но он был такой же взрослый, как я, и у него давно уже выросли усы.

Я знал еще один способ, как загладить свою вину: попросить у него прощения, дожидаться, пока он скажет: «Я ни капельки не сержусь на тебя», — после чего на сердце у меня станет спокойно, — и способ этот осуществим.

Когда мы, наконец, встретились, липа наши были уже изборождены морщинами, оставленными на них горечью жизни, а на сердце моем лежала тяжесть. Мы заговорили о далеких годах нашего детства, и я напомнил ему об этом случае, о том, как я был тогда глуп. И я ждал: «Но я ни капельки не сержусь на тебя», — скажет он, я получу прощение, и с сердца моего спадет тяжесть.

— Да разве было такое? — удивленно смеясь, спросил он так, как спрашивают, когда слушают интересную, но чужую историю. Он решительно ничего не помнил.

Он забыл все, и он не сердился, так за что же просить прощения? Простить, не зная, за что, — значило бы солгать, и только!

На что мог я надеяться? На сердце моем по-прежнему тяжесть.

И теперь снова весна моей родины в воздухе этой северной стороны принесла мне воспоминания безвозвратно ушедшего детства и наполнила меня безудержной печалью. Мне бы от нее укрыться там, где стоит морозная зима с ее жестокими холодами, но и так суровая зима вокруг меня, и от нее веет холодным дыханием стужи.